

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: День...Вечер...Ночь...

Аглая, с городских времен периодически мнившая себя художницей, во второй половине дня отправилась рисовать. Мольберт, коробка с кистями, красками, карандашами, а так же корзинка, полная снеди, долженствующая скрасить Аглае одиночество на красивом берегу полноводной реки — что еще нужно живописцу в момент вдохновения? И ничто не предвещало беды, и ни один ангел-хранитель не послал Аглае свыше ни единого намека на то, что день закончится не то что бы плохо, но совершенно не так, как задумывалось.

А день был чудесным. В меру жаркий, умеренно ветреный — поля шляпки спасали Аглаю от солнца, кружевные рукава платья и воланы на подоле трепетали взволнованными крыльями мотыльков. Аглая была уверена, что окажись здесь и сейчас еще один художник, он наверняка запечатлел бы на полотне эту великолепную картину — крутой, обрывистый берег быстрой реки, подступающий к самому берегу лес, уходящее к горизонту разноцветное покрывало полей, и замершую на краю обрыва тонкую фигурку, маленькую хозяйку большого имения.

Штришок за штришком, мазок за мазком, слой за слоем появлялись на бумаге намеки и на желто-зеленые поля, и на голубое небо с вытягивающимися бледными, призрачно-туманными барашками облаков... Что именно отвлекло ее от написания картины, сейчас Аглая уже и не вспомнит. Сладкий запах ягод, сосновой хвои, в памяти обрывки разговоров о несметном количестве грибов в лесу — и на мягких лапках подкравшийся вечер застал врасплох углубившуюся в такой доброжелательный на первый взгляд лес Аглаю неожиданной тьмой и проливным дождем...

Который закончился нескоро, хотя так же внезапно, как и начался. Небо лишь слегка прояснилось, явив взгляду Аглаи редкие бесполезные звезды, по которым она все равно не могла ориентироваться. Ярко пахло мокрой травой, капли с листы барабанили по лопухам, тяжелый смолистый аромат еловых колючих объятий — все это было бы прекрасно поодиночке, но в совокупности означало скорую простуду, испорченное платье и перспективы провести ночь в неприятной компании лесных аборигенов. Ноги проваливались во влажный мох с тихим чавкающим звуком, в стороне густо шуршал камышами заболоченный берег реки. Начали перекликаться птицы, вдалеке заухало, хрустнула обламывающаяся ветка... Старый лес жил своей жизнью, и дела ему не было до заблудившейся человеческой букашки.

Аглая утешалась только тем, что ее, конечно, уже начали искать. Вот как только дождь закончился, так сразу и начали. А если над деревней он еще не закончился? А если голодный волк найдет ее раньше, чем ленивая челядь? А если... На этом тревожные мысли Аглаи прервались угрожающим шуршанием темного пятна кустов. Бежать было некуда. Бежать было бессмысленно — насквозь пропитавшийся водой подол платья клейко облепил ноги, сковывал движения, не говоря уже о корягах, кочках, пнях, и ветках, норовящих попасться под ногу, уцепиться за платье, добраться до не исцарапанного еще кусочка кожи. Оставалось замереть на месте и перестать дышать — а из кустов высунулось едва различимое в густом сумраке светлое пятно... без сомнения, собачьей морды. Морда жизнерадостно, звонко и азартно облаяла оторопевшую Аглаю и, поведя ухом на призывный, явно человеческий свист, прозвучавший музыкой в ушах Аглаи, снова скрылась в кустах. Аглая, не теряя времени,

ломанулась напролом следом — прямо к порогу избушки.

— Горячей воды, вина, и коляску до дома! — Аглая подавилась этими так и не произнесенными словами, словно споткнувшись о взгляд мужчины, стоявшего на крыльце приземистого, поросшего мхом домишка. Мужчины незнакомого, и, о ужас, разглядывающего ее с пьяной откровенностью пасторального конюха.

Он задержался взглядом на каплях, медленно стекающих с лица на шею, скатывающихся холодными знобкими дождинками в глубокую ложбинку меж двух вздымающихся от быстрого дыхания полушарий груди, едва прикрытых мокрым кружевом глубоко, дерзко вырезанного декольте — Аглая вполне конкретно ощутила невидимые прикосновения, прошелся оценивающим взглядом по ногам, разве что спиной к себе не повернул и не похлопал по заду.

Девушка, конечно, являла собой зрелище печальное и жалкое — на скуле алела ссадина, руки исцарапаны, платье грязное и по подолу разорванное, мокрые волосы облепили голову (шляпка давно потеряна), стекали деревенски заплетенной, распотрошенной косой на спину. Слипшиеся ресницы, покрасневший от холода нос, синюшные губы не добавляли девушке шарма и делали ее похожей на крестьянку, наряженную в отданное за ненадобность барыней старое платье. Аглая, чувствуя во взгляде мужчины снисходительную насмешку над казавшимися ему нелепыми попытками притвориться истинной леди, хотела топнуть ногой и ожечь наглеца не взглядом, так словом, но вместо этого едва не разревелась. Да и было от чего. Растерянная, испуганная, промерзшая до костей — и вместо уюта собственного дома сомнительное тепло охотничьей хижины в компании более чем подозрительной личности. К несчастью, выбирать пока что не приходилось...

— Заходи, коли пришла, принцесса... — Мужчина ухватился рукой за дверной косяк и галантно посторонился. — Али в лесу ночевать изволишь? — Аглая на «принцессу» повела бровью да зацепила-таки нахала лазурной синева пасмурного взгляда. Однако не капризничала, не без колебаний преодолела три ступеньки крыльца, получила гостеприимный шлепок по ягодице, вспыхнула румянцем и с неудовольствием обнаружила в жарко натопленной комнате, освещенной лишь парой свечей, стоящих на грязном, заставленном едой столе, еще одного, не менее гостеприимного, хоть и не более пьяного субъекта. Первого отличали гусарские усы и стать, второго — еще и окладистая, ровно подстриженная бородка, да медвежья неуклюжесть. Усатому на первый взгляд можно было дать лет тридцать, веселый взгляд и жесткая складка у губ сразу не понравились Аглае, в темных волосах его еще не серебрилась седина. Второго, с бородой, был явно старше, серьезней и безопасней, что ли. И пусть Аглаю еще мелко трясло нервным ознобом, но ночной лес казался ей более страшным, нежели два почти джентльмена.

— Негоже одной по ночам болотами шастать! Чай, не ведьма! — с укоризной прогудел в бороду сидящий за столом, хрустя зеленым пером лука. Первый, встретивший Аглаю на пороге и испытывавший от ее появления, кажется, невероятный восторг, граничащий с издевкой, под локоток уже настойчиво увлекал девушку к двери, судя по всему, второй комнаты. Аглая, почувствовав насилие, взвилась гневной пружиной и вцепилась в край стола мертвой хваткой, упираясь всеми оставшимися силами, собираясь разразиться самыми бранными словами из всех, которыми владела.

Усатый расхохотался. Каждое действие Аглаи, каждое ее слово вызывали в нем приступ искреннего, хоть и нетрезвого веселья. Судя по всему, он находил ее забавной зверушкой.

— Вы, мадмазель, в мокром платье застудитесь! Извольте переодеться в комнате или двух скучающих деревенщин ждет очаровательное, я уверен, зрелище? — Аглая снова вспыхнула, хотела было сказать грубияну все, что она думает о подобных типах, но... промолчала. Мокрое платье уже давно неприятно холодило кожу, а волосы следовало расчесать. Позже... Позже она придумает способ наказать за грубость одного, или же обоих.

Спустя какое-то время Аглая и сама не знала, плакать или смеяться, в одиночестве стоя в комнатенке с низким потолком, оплывающей свечой, парой широких лавок, застеленных шкурами вместо постельного белья, и комком своей мокрой одежды на полу. Облачена она была в безразмерную мужскую рубаху на голое тело — подол болтался ниже колен, рукава пришлось закатать, ворот, чтобы не распахивался бессовестно, придерживать рукой. Благо, что чистой рубаха была... Если подпоясаться кушаком, то рубаха отдаленно начинала напоминать худшее из платьев, пошитых за всю историю человечества. Зато гармонично смотрелись высокие валенки, натянутые на босые ноги за неимением другой обуви. Плакать хотелось сильнее, чем смеяться. Аглая и подумать не могла, чтобы в столь непотребном виде появиться перед мужчинами, кем бы они ни были. Расплетя косу и кое-как расчесав пятерней чуть подсохшие волосы, девица накинула на плечи овчинный полушубок и горестно присела на край лавки, затылком упираясь в бревенчатую стену, намереваясь дождаться спасителей из собственной усадьбы. За дверью велись едва слышные, негромкие разговоры, Аглая постепенно согревалась.

Сонную голодную полудрему прервал скрип отворяющейся двери, Аглая испуганно вскинулась, плотнее запахнулась в теплый полушубок.

— Мадмазель освободит спальню уставшему бродяге? — веселый голос принадлежал усатому, и Аглая, поднявшись с насиженного места, под доверительно-негромкое, иронически-насмешливое «мадмазель, вы великолепны!» проскользнула в комнату, которую мысленно уже окрестила «гостиной». Тот, который с бородой, кажется, даже не заметив ее, протопал, тяжело скрипя половицами, мимо, притворил за собой дверь. Аглая, старательно делая вид, что ей не привыкать дефилировать перед мужчинами в исподних рубахах, с вынужденно независимым видом уселась за стол, потянула к себе горшок еще теплой картошки. Напротив нее устроился усатый, плеснул в стакан прозрачной, остро пахнущей жидкости.

— Пей. — Короткий приказ, вовсе не шуточный. — Смелей, девка. Да со стола приберешь. Пол не забудь подмести... — Аглая от возмущения задохнулась вздохом, полыхнула глазами, яростно хлопнула ладошкой по столу, начиная подниматься. И снова плюхнулась на скамью, придавленная тяжелой мужской ладонью, опустившейся ей на плечо.

— Почто смелая такая? — Словно бы удивился, поднимаясь и, пока Аглая суматошно оглядывалась в поисках хоть какой-нибудь вилки (уж проткнула бы негодяю живот, наверняка), оказался за ее плечом, рука его скользнула по спине девушки, жестко наматывая на руку опрометчиво распущенные волосы, болезненным рывком заставляя откинуть голову. Аглая и взвизгнуть не успела, как мужская рука (хорошо, что их всего две) больно разжала ей рот, и горло, гортань обожгло жидким огнем. Задохнулась, закашлялась, хватая ртом воздух, ничего не видя из-за слез, выплеснувшихся на глаза.

— Это ж лекарство, дура! На вот. — Толкнул снова ее на лавку, совал в руку соленый огурец, сядет рядом, посмеиваясь. — Ну, теплее стало? Откуда ж такие неженки берутся? — Аглая торопливо хрустела огурцом, утирая слезы, быстро дыша, прислушиваясь к теплу,

растекающемуся внутри у сердца, ниже к животу.

— Как зовут-то?

— А... Гла...

— Глашка? Дура ты, Глашка, это ж первое средство от простуды! Сколько по лесу-то шлялась? Опять у Матрены корова в лес убрела? — Аглая с трудом понимала, о чем он говорит, но на всякий случай кивала, а он снова совал ей в руку стакан, на дне которого плескалось прозрачная жидкость.

— За знакомство значит, Глашка! — Аглае тоже немножко уже смешно стало, она фыркнула в рукав, потянулась за маринованным грибочком, чуть не опрокинула графинчик. — Корова ты неуклюжая, Глашка! — отвесил ей легкий подзатыльник, да проследил, чтобы выпила одним глотком. Аглая чуть не задохнулась, снова чуть не умерла, если по ощущениям, зато через несколько секунд жизнь заиграла новыми красками.

— Согрелась ли, мадамзель Глашка? Согрелась, вижу... — Легко подхватил девушку себе на колени. Аглая, как ни странно, возражать не стала. Удобней, конечно, пусть и не... Не что? Немного неправильно, а, конечно, потому что жарко... Повела плечами, потянула с себя жарковатый полусубок.

Теплая рука гладила через грубую ткань рубахи ее бедро, новая порция обжегшей нервы водки повлияла на слегка исказившееся мировоззрение. И действия руки уже казались вполне уместными, и Аглая слегка заплетающимся языком объясняла усатому, что, не окажись он благородным рыцарем в прямом смысле этого слова, то быть бы ему битым кнутом на ее собственной конюшне. Благородный рыцарь соглашался с тем, что времена ныне опасные, благородных рыцарей осталось раз-два и обчелся, изъявлял желание лично осмотреть конюшни и прочие постройки, и уверенной рукой подбирался к ее груди. Аглая замирала от этих словно бы случайных касаний, сбивалась, чувствуя смутное томление и неясное беспокойство.

А потом нежной шейки щекотно коснулись усы и мягкость губ. И слова закончились. Аглая только успевала медленно дышать, боясь спугнуть ощущение прикосновений — словно крыльев бабочки. Мужские губы исследовали сантиметр за сантиметром каждый кусочек кожи, а рука коварно пробралась в распахнутый вырез рубахи, сразу накрывая ладонью теплый холм груди, лаская податливую плоть с неожиданной нежностью — Аглая подавалась к руке всем телом, стараясь плотнее прижаться, до невозможности вдавить сосок в самый центр ладони. Манипуляции мужчины становились все более настойчивыми, более жесткими — прихватывая чувствительную плоть короткими щипками, он заставлял Аглаю снова и снова болезненно вскрикивать, но остановить его ей даже в голову не могло прийти. Наоборот, остановись он хоть на мгновение — запросила бы еще и еще...

А жадной мужской руке все было мало... Мало было страдальческих вскриков, мало томных вздохов, сладких девичьих постанываний тоже было мало. Схватить, сжать, смять, сдавить, терзать горячую мягкую плоть, вырывать из горла всхлипы.

Рывком поднять со своих колен, с изменившимся лицом — она ошарашенно вскрикнет — смахнуть с края стола все, что попадет под руку, на пол, швырнуть послушную (а попробовала бы она сейчас рыпнуться...) девицу спиной на холодные доски стола. Не в первый раз, судя по всему. Аглая же, в азарте пьяного вожделения и жгучего нетерпения, готова была уже на все. Валенки с мягким стуком упали на пол, что-то зазвенело, покатилося... Какая разница что, если воздух вокруг них уже словно бы потрескивал от ощутимого напряжения скорого

соития...

Задрать на Аглае рубаху до талии — дело секунды. Уверенным рывком — удобнее расположить изгибающееся в нетерпеливом поскуливании женское тело. Аглая упиралась ладонками в края стола, ждала, хотела, боялась, желала — зажмурилась, переставая дышать, когда новым рывком мужчина уверенно развел ее ноги и промежности коснулось горячее, твердое, живое, подрагивающее...

Время, казалось, замерло, растянулось бесконечной секундой в вечности, застыло каплей дождя на кончике березового листа...

И, порядком измучив ожиданием неизбежного, плавным, уверенным, решительным движением бедер вонзиться в тугую, узкую, мокрую, горячую глубину, сочную, словно созревший плод, мякоть которого можно смаковать бесконечно долго, упиваясь сладким нектаром, жадно лакомиться на правах победителя, истязать полноправным хозяином... Замереть, дать ей короткую передышку, возможность привыкнуть и приспособиться к тому, что, казалось, проткнуло горячим копьем внутренности — до сердца, до горла, что заставляет обрываться хрипом дыхание, закусывать губу и болезненно жмуриться, и даже сделать неловкую попытку уползти. Рассмотреть всю ее, поверженную, распростертую на захламленном очистками и объедками столе, грубо потрепать налитую грудь, ущипнуть сосок, и ладонью вниз — по талии и изгибу бедра, подхватить под ягодицы, приподнять над столом и...

И уже не ласкал — насиловал, тяжело дыша, яростно вбивая ее тело в доски стола, щипал и мял упругие ягодицы, натягивал на себя — жаркую, послушную, отдающую нежность своей души и тела...

Пил и не мог напиться ее соками, ее повизгиванием, стонами, вскриками — глубокими, глухими, насыщенными интонациями примитивной, звериной природы, отбросившей стыд и скромность...

Приводил ее в неистовство непотребными звуками похотливого совокупления — звучные шлепки влажных тел, хлюпанье мокрого влагалища, сплетающиеся в причудливый орнамент хриплое неровное дыхание и неистовые стоны...

Вел ее к краю пропасти и заставлял балансировать словно на острие ножа, молившую о пощаде или смерти, не давая ни того, ни другого...

И, наконец, отпустил и себя, и ее, как первая молния в знойный полдень сулит спасение близкой грозой...

Сладкие конвульсии оргазма, когда двое становятся единым целым, большой взрыв, рождающий новую вселенную, опустошающий и оглушающий, были долгими, невозможно долгими... Мягко сжав зубами ее сосок, он словно бы покачивался на теплых волнах, а она, дрожащими пальцами перебирая короткие пряди его волос, только-только начинала понимать, что произошло